

Мастер-класс по магии огня: гори оно все

Чин Ху

- Доброй ночи, - Чин поклонился ученикам.

Он собрал их на берегу озера вокруг ярко горящего костра. Так обычно рассказывают на ночь страшные истории, но он планировал всего лишь провести мастер-класс по магии Огня. Хотя и было лето, ночь была холодной, особенно из-за ледяного ветра. Лунный климат Тибета грешил тем, что перепады погоды между зимним и летним полуднем нередко были меньше, чем между днем и ночью одного дня.

- Я рад, что вы хотите изучить стихию пламени, - сказал ученик настоятеля. – Иногда говорят, что она сильно меняет характер, и есть те, кто опасается ей обучать. Но я думаю, что вы достаточно смелые, раз пришли сюда среди ночи. Я хочу, чтобы вы поняли энергию чакры солнечного сплетения. Подходите ближе к костру. Грейте об него руки, если не страшно, попробуйте коснуться пламени. Если вы договоритесь – оно вас не обожжет. Пламя возникает в Манипуре - желтой чакре. Оно разгорается от вашего дыхания. Оно наполняет вас уверенностью в себе и позволяет сжечь и перебороть тревоги, страхи и негативные мысли. А теперь представьте, что вы находитесь один на один со своим пламенем. И можете сжечь в нем все, что вам мешает. Воспоминания, мысли, сомнения, неуверенность в себе. Сморите на пламя и отдавайте ему все, что вам мешает. У вас есть целый час, времени достаточно.

Чин сел на колени неподалеку от костра и принялся наблюдать за учениками. Он ценил пламя за его способность избавлять от тревог и сомнений, и он хотел, чтобы начинающие маги Огня почувствовали эту возможность.

Мастер-класс завершится 22.11. приглашаются все желающие, чей уровень владений магией Огня не выше Послушника, в том числе те, у кого данной способности еще нет. Игровое время - полночь, лето.

Эстер Хоук

Эстер точно знала, что ночью надо спать.

Обычно она так и делала, очень прилежно следуя всем правилам и общепринятым нормам, и стараясь не нарываться на неприятности, но после того мастер-класса по следопытству, когда она впервые за целый год пребывания в Храме самостоятельно в одиночку вышла за территорию Храма, ей показалось, что один разик она может и нарушить еще одно правило спать ночью и сходить на еще мастер-класс, который проводился как раз в темное время суток. Наверняка Тео, даже если и узнает о том, что она ночью покидала свою комнату, не будет ругаться, а наоборот, похвалит ее за то, что она наконец перестала отсиживаться в корпусе мастеров, а начала учиться, пусть и не тем способностям, которые были у нее. К тому же Эстер было очень интересно послушать про магию огня, ведь эта стихия была противоположна той, благодаря которой Эсти смогла парочку раз заморозить

воду в чашке. Может быть, у нее найдутся способности и в этой области магии? Девочка пришла на берег озера одна из первых, но хорошо, что здесь был уже мастер и ярко горел костер. Было не очень тепло, так что Эстер куталась в куртку, а еще сразу подошла чуть ближе к огню, чтобы согреться и не пропустить ни слова из речи мастера. Она не знала, где именно находится чакра Манипура, где-то в области солнечного сплетения, если верить сифу, и ученица могла лишь приблизительно сказать, что где-то в области груди. Но это было не очень важно, как то, что затем сказал мастер, что огонь внутри наполняет уверенностью в себе, убирает тревоги и страхи.

Эсти внимательно выслушала все, что сказал сифу Ху, а потом постаралась сделать так, как он сказал - то есть поделиться своими страхами и сомнениями с огнем.

Ей всегда нравилось бывать у костра, еще когда они с братьями ходили в походы в Англии. Она всегда садилась поближе, греясь в пламени и слушая рассказы старших, жаря зефирки и подкидывая веточки в огонь, а то и даже еловые лапы, которые звонко трещали, поднимая целый столбы искр в воздух. И ей казалось, что так можно сидеть очень-очень долго, наслаждаясь теплом, до самой темноты. Вот как сейчас. Только сейчас Эстер была вынуждена стоять, а не сидеть, но это было не страшно. Она постоит, не рассыпется.

Эсти протянула руки к огню, но осталась стоять на том достаточном расстоянии, чтобы не обжечься, ведь у нее не было запасного комплекта конечностей, а совать этот в огонь она пока не хотела, ей еще руки пригодятся. Было приятно уже просто даже стоять рядом, и было достаточно времени, чтобы подумать обо всем, о чем нужно было подумать.

Она думала о своей нерешительности и неуверенности в себе, а еще о скромности, которая определенно мешала ей жить, потому что Эсти было проще молчать, чем говорить, и она всегда мучилась необходимостью говорить вслух из-за опасения, что на нее обратят много внимания. Не зная точно, как эти мысли отдать огню, она просто представила себе, как берет свою нерешительность, словно это было что-то материальное, и кидает ее в костер, как ветку. И также поступает с неуверенностью в себе, затем с излишней скромностью. Со всеми прочими сомнениями, и страхом не оправдать ожиданий. И с каждой такой бросаемой в костер "веткой" Эстер казалось, что пламя разгорается все сильнее, а сама она становится чуточку смелее. Хотя бы на эту самую чуточку.

Наконец ей даже стало казаться, что она может еще ближе подойти к костру, не боясь обжечься, но ее все равно держал разумный страх, который преследует каждого человека, который хоть раз в жизни получал ожог. Этот страх тоже нужно было выкинуть веткой в костер. Оставались еще осторожность и предусмотрительность, но эти два качества девочка решила приберечь на потом. Она и так выкинула уже достаточно, так скоро ничего не останется.

Дин Ху

Дин не мог упустить возможность, чтобы ночью официально не лечь спать, а идти на занятие. Еще и к отцу, еще и по магии Огня. Он уже бывал на подобном занятии и примерно знал, что его ожидало, но все равно считал, что это будет интересно. С тех пор прошло много времени, и его страхи и сомнения сильно изменились.

Было холодно, но костер был большим и ярким, и в легкой куртке, накинутой поверх формы ученика монастыря, было даже немного жарко. Дину нравилось смотреть на

пламя. Оно завораживало танцем красных и оранжевых языков, облизывавших поленья, которые иногда трескались, порождая снопы мелких искр. Эти тепло и свет и тихий треск были родными и приятными. Дин стал дышать ровно и глубоко, сосредоточившись на энергии Манипуры, которая сейчас разгоралась ярко от близости открытого Огня.

Одна из особенностей пламени - оно освещает. Высвечивает какие-то темные закутки в мыслях и чувствах, вытаскивая их наружу и заставляя обратить на них внимание. Поэтому стоило Дину начать работать с мыслями и эмоциями через энергию Манипуры, страхи, сомнения и негативные мысли стали вылезать, подобно демонам.

Дин не знал, чего он хотел добиться. Он хотел быть и здесь, и в Лхасе. Здесь ему надоело ходить в учениках, но он не считал, что готов стать мастером и сдать экзамен на это право. Ему все чаще казалось, что он слабее отца, с которым мысленно всегда себя сравнивал. Отец был сильнее и серьезнее. Дин даже побаивался просто поговорить с ним открыто о том, что тот думал в двадцать лет, что его влекло и что пугало. Они с мамой познакомились, когда отцу было двадцать четыре, тогда они вместе нашли Линь Ян Шо и встретили сифу Бао. Что было до этого, Дин знал только по сплетням родни. Что после - в основном по рассказам старших учеников. Он помнил отца только мастером Линь Ян Шо, уважаемым, ответственным, знающим. Говорили, что таким он был не всегда, но Дин не знал, чем именно тот отличался, и что заставило его измениться.

Первым в огонь отправился страх перед разговором с отцом. Тот был довольно прямолинеен, и правильнее было поговорить с ним открыто, чем собирать какие-то непонятные сплетни. Дин знал, что отец его любил и был открыт для разговоров, но обычно эти разговоры не навязывал.

Дин переживал из-за того, что у него никак не складывалась личная жизнь. Лин пропала в Англии, их отношения заглохли, не начавшись. В Лхасе он встречался с соседскими девушками, но ничего серьезного не было. А Дин хотел, чтобы у него появилась девушка, с которой все будет серьезно. Которая будет с ним жить, выйдет за него замуж, они вместе будут планировать жизнь здесь или жизнь в Лхасе, и все будет тогда правильно.

Но в то же время Дин хотел сделать что-то особенное. Отличиться. Прославиться. Совершить подвиг. Возможно, этим и добиться той единственной, с которой он был бы готов прожить всю жизнь. Но повода для подвига не подворачивалось, да и навыков, позволивших бы затеять что-то серьезное, у Дина не было. Он смотрел на пламя и думал, что во всех этих мыслях ему мешало. Желания сами по себе? Благородны истины учили, что именно из них рождалось страдание. Но желание - внутренний ключ Огня, без него пламя невозможно. Неясность этих желаний? Скорее да, но её не так-то просто сжечь.

Дин смотрел на пламя, пытаясь услышать, что оно само могло ему подсказать. От Огня возникало теплое ощущение в области солнечного сплетения, оно наполняло уверенностью в себе, оно давало понять, что стоит лишь сильно захотеть, и все сбудется. Пламя отражалось в темных зрачках Дина, всполохи играли рыжим и красным на его лице. Дин чувствовал то, что говорила ему родная стихия. Пока

слабая, но разгоравшееся от искры, стоило дать ей волю. Он хотел большего, он мог добиться большего. Это было даже важнее, чем поговорить с отцом.

Дин слышал разговоры о том, что даже возле монастыря замечали людей Асаки. Он знал, что кто-то из мастеров все время уезжал, чтобы решать серьезные вопросы. Он был уверен, что найдет повод стать полезным, чтобы доказать себе и остальным, что с Ху Дином пора считаться. Он был магом Огня. Он был сыном старших мастеров. Он был тигром в конце концов. Дин улыбнулся своим мыслям, затем сложил руки в молитвенном жесте и поклонился пламени, благодаря его за урок.

Ирина Рейн

Тем, как она работает со стихией Огня, Ирина сама была недовольна. Глобально говоря, конечно, рыжая определенными приемами владела и что-то там такое на нужные темы исполняла. А если смотреть поближе, то это же всё ужас как криво, еле живо. Требовалась основательная штокка, эдак на молекулярном уровне, чтобы разваливающуюся в руках, порой в прямом смысле этого слова, магию привести в чувство и в приличный вид. Поэтому Ирина сильно надеялась на то, что на мастер-классе каких-нибудь практических, сильно мудреных вывертов не будет, а грядет что-нибудь умеренно-философское. Как раз приближенное к тому самому молекулярному уровню. Потому что стоило саму себя рассмотреть поближе, и немедленно становилось понятно: что-то очень важное Рейн пролюбила и пропустила мимо себя как раз когда в ней закладывались основы огненной магии. Так и жила теперь, с дырой в фундаменте. И, как периодически показывали разные умеренно серьёзные тренировки, так жить было крайне неудобно.

А с другой стороны, закавыка ещё была в том, что нечто чересчур философское Ирина запросто могла и не осилить. Мозг у рыжей оперировал преимущественно прямыми, конкретными, однозначными категориями. Заблудиться в философском тумане ей было как раз плюнуть.

Идея полуночничать у костра Ирине понравилась. Ей это показалось очень атмосферным, да ещё и не позволяло распыляться по мелочам - как тут, к черту, отвлечешься, когда в темноте огонь ярким пятном притягивает к себе внимание, высасывает его практически до последней капли. Рыжая могла вот так вот таращиться в ночи на пламя и млеть очень долго. Жаль только, понимания того, как подойти к заданию, ей это не прибавляло ни на йоту.

Ирина протянулась к пламени, как обычно, решительно и безоглядно, смело касаясь его кончиками пальцев и запрещая себя жечь. Силой воли, знатно помноженной на силу настойчивости, в этом моменте рыжая традиционно легко прогибала огонь под себя - но не менее традиционно не могла потом собрать воедино жар, который так лихо получалось разогнать. Не хватало то ли терпения, то ли внимательности, то ли ещё чего, поди тут попробуй разберись с наскока. Но это всё были догадки не в ту сторону, это все Ирина была бы не прочь приобрести - а сегодня требовалось что-то отдать и сжечь.

Самым лишним, самым мешающимся, никак не способствующим внимательности, терпению и иже с ними выглядело раздражение, на грани которого Ирина балансировала часто, куда чаще, чем все нормальные люди делают. Даже особенно не сосредотачиваясь, рыжая легко нашла его в себе и сейчас. *Вот все, блин, мастер-классы нормально шли, а этот впендюрили после отбоя. Я, конечно, спать не планировала - зато, может, я хотела беспределить по-черному! А теперь всё, занятие*

вместо беспредела, шикарный план пошёл по жопе. Да ещё и сжигать я себя по кусочку должна, видите ли. То есть вариант, что я себя полностью устраиваю именно в такой комплектации, вообще не рассматривается, да?

Всколыхнувшееся раздражение Ирина немедленно почувствовала, ей даже показалось, что Манипура в груди недовольно заискрила в знак протеста. Дальше оставалось только поймать этот сгусток искр, вытолкнуть к ладоням и перебросить в костёр. От ладоней разбежалась во все стороны резвая стайка искр, а Ирина почувствовала непривычное умиротворение, и была на грани того, чтобы сказать, что она, пожалуй, довольна жизнью. И собой в частности - возможно, поэтому рыжая так и не придумала, что ещё можно скормить огню в качестве лишней запчасти. Все остальное вроде как на своих местах, вроде бы все собрано хорошо, чего там ещё жечь-то.

Райан О'Мера

Райан давно хотела изучать какую-нибудь стихию, но всё никак не могла набраться смелости. Ей все казалось, что магия - это очень сложно. Что ирландке с её белыми нитками шитым разумом это сложное искусство никогда не станет доступно. Потому что для понимания магии нужно, чтобы смысл слов был четким, ясным и не выскальзывал из рук и головы, как юркие горошины из слабых пальцев. Райан же, способная намертво запутаться даже в шнурках от кроссовок, в словах путалась куда чаще и охотнее.

Неожиданно добрую службу сослужило злое слово "никогда" - повторив его себе с десятков раз подряд, О'Мера вдруг ощутила нечто близкое к ярости. Неожиданный прилив сил, которого хватит всего на один раз, еле-еле, чтобы кое-как пробить тщедушным телом брешь в стене - но очень может быть, что сквозь эту брешь получится выйти во вне и прикоснуться к чему-то новому. Именно с такими мыслями и с таким настроением, в состоянии отчаянной решимости Райан бросилась на как раз объявленный урок по магии Огня.

На самом занятии ирландка очень быстро вновь пришла в ужас - девушку и без того могла испугать почти любая мелочь, а здесь страхи были основательные. Такие огромные, что могли задавить и размазать по стене Кинг-Конга, всего лишь неудачно повернувшись. Райан казалось, что она не понимает, как можно попытаться сжечь эмоции - нечто неуловимое, что и в руки-то не возьмешь, во что не получится вцепиться, что не имеет плоти, которая может чернеть и обугливаться под напором языков пламени. И уж совершенно точно девушка не понимала, что ей следует сжигать в самой себе, что будет ей мешать и от чего стоит избавиться, а что лучше всё же приберечь.

- Если бы мне дали волю, я бы, пожалуй, не смогла остановиться и сожгла бы себя всю, - пробормотала О'Мера, по примеру остальных учеников тоже протягивая руки к пламени и ухитряясь одновременно и с надеждой тянуться к костру, и пугливо от него отстраняться. - Или нет - почти всю. От меня остались бы татуировки и пирсинг - о да, это бы я сохранила, это то, что во мне удалось однозначно. Удалось посторонним, равнодушным ко мне людям! как это странно, верно?

Пожалуй, не менее странно и дико, чем устраивать публичное самосожжение. Поэтому Райан продолжила просто доверчиво тянуть к огню ладони, выпуская в себя тепло, надеясь если не овладеть магией, то хотя бы согреться и успокоиться. Постепенно приятное тепло поднималось вверх по рукам и расходилось по телу, вытесняя холодный липкий страх, выгоняя его почти-весь, почти-подчистую, почти-без-остатка. О'Мера не знала, можно ли сказать, что она его сожгла, или так всё же

не считается - но ведь получилось от него избавиться? Хотя бы ненадолго, хотя бы пока рядом костёр и от него веет ласковым жаром? Это был тот редкий случай, когда вместо пугливого вопросительного знака Райан решилась поставить твёрдую точку: получилось.

Чин Ху

Учеников было немного, но Чин был уверен в том, что для пришедших занятие оказалось полезным. Ему понравилось, что до тренировки дошел Дин, с которым стоило поговорить о том, что творилось в его жизни. Чину казалось, что его старший сын ничего не делает, но многого хочет. Сам Чин уже был достаточно взрослым и разумным, чтобы понимать простые истины. Во-первых, от осинки не родятся апельсинки, и у Дина были все шансы пройти по тем же граблям, по которым в свое время ходил его отец. Во-вторых, Дин был неглупым парнем, но его энергию нужно было своевременно направить в нужное русло.

В свое время Чин наломал немало дров. До того, как оказаться в монастыре, он попортил немало нервов родителям в Лхасе. И даже после того, как он оказался здесь и встретил Дани, он продолжал делать глупости. Он был, пожалуй, единственным в Линь Ян Шо, кто нарвался на сифу Бо настолько, чтобы словить от неё по морде, а это дорогого стоило. Чин не хотел, чтобы Дин учился аналогичным образом, а по тому, как в глазах сына играло пламя, он подозревал, что все к тому шло.

- Занятие завершено, спокойной ночи, - сказал Чин ученикам. - Идите по домам, завтра рано вставать.

Он дождался Дина и вместе с ним пошел к дому.

Мастер-класс завершен.
